

15. Славянские древности : этнолингвистический слов. : в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отношения. – Т. I. – 1995. – 579 с.
16. Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – СПб. : Норинт, 2001. – 176 с.
17. Словник символів культури України / за заг. ред. В. П. Коцура, О. І. Потапенка, М. К. Дмитренко. – К. : Міленіум, 2002. – 260 с.
18. Словник сучасного українського сленгу / упоряд. Т. М. Кондратюк. – Х. : Фоліо, 2006. – 350 с.
19. Словник фразеологізмів української мови / уклад. : В. М. Білоноженко та ін. – К. : Наук. думка, 2003. – 1104 с.
20. Тяпкіна Н. І. Демонологічна лексика української мови : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 „Українська мова” / Тяпкіна Наталія Іванівна. – Запоріжжя, 2006. – 19 с.
21. Ужченко В. Д. Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. – 4-е вид. – Луганськ : Альма-матер, 2002. – 263 с.
22. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Уклад М. Номис / Упорядкув., прим. та вступ. ст. М. М. Пазяка. – К. : Либідь, 2004. – 352 с.

АННОТАЦИЯ

Дьякова Т. А. Вариантно-синонимическая группа ‘жить богато (быть богатым), разбогатеть’ как составная фразеологической репрезентации языковой картины мира в украинских восточнословобожанских говорах

В статье рассмотрено происхождение и функционирование единиц вариантно-синонимической группы ‘жить богато (быть богатым), разбогатеть’, которые отражают этнокультурные представления словобожан о материальном положении. Языковой базой исследования стали ареальные фразеологические единицы украинских восточнословобожанских говоров.

Ключевые слова: ареальная фразеология, языковая картина мира, фразеологическая единица, семантическая структура, концепт, этнокультура, ментальность, житель.

SUMMARY

Dyakova T.A. Variation-synonymous group ‘live richly (being rich), get rich’ as a component of phraseological representation of linguistic picture of the world in Ukrainian Vostochnaya Slobozhanschina (East Sloboda) dialects

The article deals with the origin and function of units of variant synonymic row ‘live richly (being rich), get rich’, which reflect ethnic-cultural notions of residents of Sloboda region concerning material well-being. The areal phraseological units of Ukrainian Vostochnaya Slobozhanschina (East Sloboda) dialects have become the language basis of the research.

Key words: areal phraseology, phraseological picture of the world, phraseological unit, semantic structure, concept, ethnic culture, mentality.

*Н.А. Жихарева
(Горловка)*

УДК 81'367. 32

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАРКИРОВАНИЯ КОСВЕННЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДРАМЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Тексты драматических произведений как письменная стилизованная репрезентация непосредственного общения коммуникантов (персонажей) отличаются большим разнообразием нестандартных способов подачи информации (в терминологии Т. М. Шелингер «нетрадиционных коммуникативных единиц» [6, с. 1]). Употребление таких элементов в каждом отдельном случае обусловлено конкретной ситуацией коммуникации: нормами речевого этикета, различием позиционных статусов собеседников, их психологическим состоянием и т.п. Особое место в наборе таких способов наряду с равноуровневыми стилистическими приемами и выразительными средствами занимают косвенные речевые акты как эффективное средство речевого воздействия на собеседника. Как отмечают авторы учебника «Стилистика английского языка», «само возникновение коммуникативного акта всегда обусловлено потребностью говорящего достичь определенного прагматического эффекта... Достижение этого результата возможно только путем целенаправленного выбора и использования из всего многообразия средств, которыми располагает система данного языка, не только определенных стилистических средств, но и всех графических, фонетических, лексических, грамматических и синтаксических средств языка» [4, с. 10].

Цель данной статьи – проведение детального количественно-качественного анализа стилистических средств маркирования косвенных речевых актов в англоязычной драме второй половины XX века. Как материал исследования используется

сплошная выборка 1000 высказываний из текстов драматических произведений на английском языке второй половины XX века (A. Fugard, J. Kani, W. Ntshona «Sizwe Bansi is dead» (1972), P. Shaffer «Equus» (1973), M. Norman «night, Mother» (1982), S. Shepard «Fool for love» (1985)).

Анализ языкового материала показал, что 25,7 % от общего количества рассмотренных высказываний составляют косвенные речевые акты. При этом 67,7 % косвенных речевых актов стилистически маркированы элементами одного или нескольких уровней языковой системы.

Как сигнал транспозиции одного прагматического типа высказывания в другой в 18,06 % косвенных высказываний используются графико-фонетические средства. Так, в следующих примерах именно употребление восклицательного знака, многоточия, выделение отдельных слов курсивом или кавычками указывает на негативную эмоциональную окраску всего высказывания взамен простой констатации фактов:

- *China gets in there...!* [9, с. 931];
- *I don't know!* [9, с. 942];
- *We'll just wait for this "man" to come over here* [7, с. 1144].

Зачастую негативная окраска высказывания усиливается благодаря констелляции графических и грамматических средств:

- морфологических (особая форма предикатного глагола):
- *And I'm watching it...in the paper* [9, с. 931] – эмпатическое употребление настоящего длительного и графическая паузация посредством многоточия;
- *You should have been home yesterday!* [9, с. 941] – форма сослагательного наклонения со значением упрека и восклицательный знак;
- *You don't have to* [7, с. 1112] – модальный оборот и выделение курсивом отдельного слова;
- синтаксических:
- *And of all nonsensical things – I keep thinking about the horse!* [9, с. 954] – инверсия, обособление, выделение курсивом отдельного слова и восклицательный знак;
- *There wasn't any fling with any Countess!* [7, с. 1138] – повтор неопределенного местоимения и восклицательный знак;
- *In the medicine cabinet!* [7, с. 1143] – эллипсис и восклицательный знак.

Транспозиция констативных высказываний в экспрессивные на фоне общей стилизации речи персонажей под живую, разговорную речь маркируется также констелляцией синтаксических и лексико-семантических стилистических средств:

- *Six years there. Six years a bloody fool* [9, с. 934] – повтор-анафора, эллипсис, интенсификатор-эпитет сниженного регистра и существительное с отрицательной коннотацией;

- *Silly question to ask* [9, с. 934] – эпитетизм-эллипсис;

- *Suckered me into some dumb little fantasy and then dropped me like a hot rock* [7, с. 1140] – эпитеты, сравнение и эллипсис.

Традиционный инвертированный порядок слов при отсутствии вопросительного знака служит маркером транспозиции квеситива в экспрессив: – *How should I know* [7, с. 1151] (= «I don't know») или в директив: – *Why don't you have a drink* [7, с. 1154] (= «Have a drink»).

Для маркирования косвенных высказываний в исследуемых текстах широко используются синтаксические выразительные средства, основанные на экспансии исходной модели – различного вида повторы (в том числе и параллелизм), конструкции с интенсификаторами и вставными элементами.

Частотность употребления повторов и параллельных конструкций особенно возрастает в ситуации конфликтного общения, где их основная стилистическая функция выражения «непосредственной и всегда экспрессивно-окрашенной реакции говорящего на сказанное (удивление, радость, удовлетворение, различные оттенки отрицательной реакции)» [4, с. 144] направлена на эффективное маркирование и, соответственно, распознавание собеседниками скрытой иллокуции косвенных экспрессивов и директивов как элементов эмоционального воздействия на адресата:

DYSART You know that's not true.

DORA Oh, I know. I know, all right! I've heard it all my life [9, с. 981];

MAMA And you can't use your father's gun, either. It's mine now, too. And you can't do it my house.

JESSIE Oh, come on.

MAMA No, you can't do it [7, с. 1110];

MAY I want you to leave.

EDDIE You didn't want me to leave before.

MAY I want you to leave now [7, с. 1145].

Использование в речи интенсификаторов и вставных элементов не только способствует эмоционально-экспрессивной актуализации отдельных компонентов высказывания, но и является маркированием «коммуникации, которая сопутствует собственно коммуникации и регулирует речевое общение средствами языка. Языковые выражения, представляющие комментарий говорящего к высказыванию, рассматриваются как элементы **метакоммуникации** – «коммуникации о

коммуникации» [2, с. 12]. Метакоммуникация составляет ту часть общения, «которая направлена на самое себя, на общение в целом и его различные аспекты: языковую ткань дискурса, его стратегическую динамику, структуру обменов и трансакций – фаз интеракции, меню коммуникативных ролей, представление тем, взаимодействие с контекстом, регуляцию межличностных и социальных аспектов взаимодействия, нормы общения, процессы обмена информацией и ее интерпретации, эффективность канала коммуникации» [3, с. 197]. При этом, «дискурсивные маркеры сигнализируют высокую степень прагматического контроля» [1, с. 27].

Обращение к единицам непрямой коммуникации зачастую продиктовано стремлением говорящего сделать свое высказывание более неопределенным с целью ограничить ответственность за сказанное и избежать обвинений в неправде. С.А. Торлакян полагает, что «чем больше обязательств налагает речевое действие на дискурсивное поведение говорящего в отношении адресата, тем больше семантическая структура данного акта подвержена коммуникативно-интенциональному варьированию» [5, с. 13]:

- *He didn't even look at the plant!* [9, с. 934];
- *That's an absolutely unwarrantable statement* [9, с. 934];
- *Anyway, all this dream nonsense is your fault* [9, с. 957];
- *He's at a most delicate stage of treatment. He's totally exposed* [9, с. 957];
- *All right! I wanted you to have a husband. – And I couldn't get one on my own, of course* [7, с. 1123];
- *You never had a hold of me, to begin with* [7, с. 1140];
- *What'd you have to go and run off for anyway... Why couldn't you just stay put* [7, с. 1140].

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что эмоционально-оценочные маркеры дискурса, с точки зрения прагматики, следует рассматривать как одну из дискурсивных стратегий интеракционного характера, направленную на организацию эффективного взаимодействия с адресатом; при этом следует обратить внимание на способность интеракционных маркеров эксплицитно выражать позицию автора высказывания, служить его «голосом»: «expression of a textual voice» [8, с. 49], иными словами, функционировать в качестве средства авторизации.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о широком использовании разноуровневых стилистических средств маркирования косвенных речевых актов в англоязычной драме второй половины XX века. В плане

дальнейшей разработки данной проблематики, на наш взгляд, представляет интерес анализ подобных маркеров на текстовом уровне, в частности, фатических элементов и авторских ремарок в их связи с различными типами косвенных высказываний в речи персонажей драматических произведений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергельсон М. Б. Дискурсивные маркеры как часть речи / М. Б. Бергельсон // Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – С.Пб., 2007. – С. 25-28 с.
2. Катина Н. А. Роль просодии в реализации дискурсивных маркеров речевого отгораживания (на материале британских лекций) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Наталья Александровна Катина. – М., 2014. – 162 с.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : Гнозис, 2003. – 197 с.
4. Стилистика английского языка : [учеб.] / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – К. : Вышш. шк., 1991. – 272 с.
5. Торлакян С. А. Косвенные речевые способы актуализации фактора адресата в информационно-когнитивной системе диалога : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Светлана Ардавазтовна Торлакян. – Ростов-на-Дону, 2008. – 160 с.
6. Шелингер Т. Н. Нетрадиционно выделяемые коммуникативные единицы современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Т. Н. Шелингер. – Л., 1986. – 15 с.
7. Hall D. To Read Literature, Fiction, Poetry, Drama / Donald Hall. – Second edition. – New York, 1987. – 1281 p.
8. Hyland K. Metadiscourse. Exploring interaction in writing / K. Hyland. – Continuum London, New York, 2005. – P. 25-49.
9. Masterpieces of the Drama / [composed by A. W. Allison, A J. Carr, A. M. Eastman]. – New York: Macmillan Publishing Company, 1986. – Fifth edition. – 995 p.

АННОТАЦИЯ

Жихарева Н. А. Стилистические средства маркирования косвенных речевых актов в англоязычной драме второй половины XX века

В статье представлены результаты количественно-качественного анализа стилистических средств маркирования косвенных речевых актов в англоязычной драме второй

половины XX века. Особое внимание уделяется роли констелляции стилистических средств разных уровней языковой системы и дискурсивных маркеров как сигналов транспозиции прагматических типов предложений в контексте письменной стилизованной репрезентации живой разговорной речи персонажей драматического произведения.

Ключевые слова: косвенный речевой акт, транспозиция, стилистическое средство, констелляция, дискурсивный маркер, метакоммуникация.

SUMMARY

Zhikhareva N. A. Stylistic means of marking indirect speech acts in English dramas of the second half of the XXth century

The article presents the quantitative-qualitative analysis of stylistic means of marking indirect speech acts in English dramas of the second half of the XXth century. Special regard is given to the role of constellation of stylistic means at different levels of the language system and discourse markers as signals of transposing pragmatic types of sentences in the context of written stylized representation of actual informal speech of characters in dramas.

Key words: indirect speech act, transposition, stylistic means, constellation, discourse marker, metacommunication.

*Н.И. Иванова
(Горловка)*

УДК 81'373.2

КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ОНИМОВ

*Язык оцупью пробирается
вокруг интенции обозначения.
Мерло-Понти*

При интерпретации роли онима следует иметь в виду, что он всякий раз по-разному проявляет особые свои качества. В данном исследовании предпримем попытку доказать следующее положение: собственное имя – это компактный языковой знак глубинного содержания, не умещающийся в привычные понятийные рамки, реализующий концептуальную идею.

Связь между онимом и денотатом не является непосредственной, так как имя репрезентирует вербальную сущность со сложным дополнительным ассоциативным комплексом. Эти конвенциональные отношения между собственным именем и денотатом и придают имени условный характер отражения

объекта. На уровне языка собственное имя является абстрактным вторичным названием. Такая закодированность свойственна не только ониму, она присутствует в других жизненных сферах, так как это – вполне естественный для человеческой ментальности способ предметно-образного мышления. И в этом свойстве онима усматривается его символичность. Но в то же время оним находится и в реальной связи с денотатом, иначе он не смог бы обозначить, называть, т. е. оним вполне конкретен. Он даже информативен, в том смысле, что предстаёт как единственное номинативное значение, денотативно закреплённое и реализуемое на уровне речи, а значит, имеющее ситуативный характер.

Такая дуалистичная специфика собственного имени, создающаяся пересечением его семантической структуры кодовой, символической составляющей и информативно-индексального компонента, и делают его весьма сложной категорией. Ещё более усложняет понимание онима его дейктическая функция. Ведь оним в первую очередь указывает на объект, выделяя при этом его из видовой группы. Использование онима детерминировано социально, а значит, у говорящего всегда есть возможность выбора того или иного способа номинации объекта, и, кроме того, что онимная номинация – самый индивидуализирующий, конкретизирующий способ, он, как оказывается, и не всегда может быть заменен. И речь в данном случае не идёт о таких семантически объёмных именах-символах, как *А. Пушкин, Иван Грозный, Дмитрий Карамазов* и т. д.

Концептологическая природа собственного имени (особенно если это имя мифологическое, художественное, историческое) позволяет ему занять особое место и в системе языка (как формального знака, значение которого задано системой отношений со значениями других знаков и вне этой системы не существующего), и в системе лингвокультурологии (как ментальной сущности, содержащей энциклопедическое, понятийное, эмотивно-оценочное, эстетическое представление). Как формальная единица языка оним подчиняется всем законам языка и может функционировать только в рамках этой системы, и в то же время оним – наиболее обособленная, индивидуализированная единица, связанная с психическими ресурсами человеческого сознания. Учитывая определение концепта, предложенного В. И. Болотовым, как совокупности «каких-то признаков феномена в сознании индивида о чём-то, в определённом месте, в определённое время, в определённой ситуации общения» [1, с. 93], вполне можно говорить о собственном имени в концептологическом аспекте, выделяя при этом их персонифицированную маркированность.